

Первая поп- двадц

-К

ак вообще вам пришло в голову
стать актрисой?

— Сколько помню себя, всегда хотела стать клоуном. Рядом с нашим киевским домом был цирк. Родители не имели к нему никакого отношения, но соседка работала там билетером. Цирк стал моим вторым домом. Во сне я летала под куполом, во дворе играла в дрессировщицу. Младшие дети влезали на маленькие стульчики, открывали пасть, а я как будто засовывала туда голову.

— Так что после школы вы пошли в цирковое училище?

— Нет, в театральный институт. И не поступила, хотя очень понравилась педагогам. Дело в том, что в Киеве евреев в театральный институт не принимали. А педагог, которого я спросила, за что меня не берут, ответил: «Вам нос трудно гримировать». Я сутки провела у зеркала, пытаясь что-то сделать со своим носом.

— И что же вы сделали?

— Пошла устраиваться на работу. Но, посмотрев документы, меня и работать не брали. В свои шестнадцать я ходила даже на гвоздильный завод — уже на спор. В цеху, где делают гвозди, стояли женщины в фуфайках, какая-то хренотень падала с небес и разбивала проволоку, и вот туда нужен был рабочий. Шум, грязь жуткая, но я из принципа говорю: «Согласна». Меня ведут в отдел кадров, и: «О! Так у нас токо вчора взяли чоловіка на эту должность». В общем, сейчас я могу об этом говорить и, поверьте, не держу никакого зла. Просто я все время преодолевала сопротивление, всю жизнь.

— В те годы сопротивление оказалось успешным?

— Я все же попала в проявочный цех кинокопировальной фабрики. Потом стала поступать в студию эстрадно-циркового искусства. Вдруг поступила —

Клара Новикова

Клара Новикова в жизни ничем не напоминает известную «тетю Соню». Наоборот, она все еще — «барышня», хрупкая, чуткая, чуть смущенная. Во многом — та самая Китти из «Анны Карениной», о роли которой когда-то мечтала. Коллекционирует шляпки, цветы, кружева, вуали. В одной из шляп всегда выходит на эстраду. Вскоре Кларе Новиковой предстоит выйти и на драматическую сцену — в специально для нее переведенной пьесе Нобелевского лауреата Дарио Фо. Сейчас идут репетиции...

А имя у меня —
не выговоришь!

О, это женское лукавство!

Шутка, вторая... Третья

ТВ Парк - 1997 -
1 дек - с. 10-12.

на отделение речевого жанра. Потом была распределена в Кировоградскую областную филармонию.

— Там и вышли замуж?

— Да, за музыканта Виктора Новикова — под его фамилией меня и знают сейчас. Два года провинции — Херсон, Полтава, наконец, Киев — стали для меня огромной школой. Только в Москве началась другая жизнь.

— Как это произошло?

— На Всесоюзном конкурсе артистов эстрады, тогда очень значимом, я получила первую премию — разделила ее с Хазановым. Мой монолог «Пляж, Рио-де-Жанейро, Неаполитанский залив, на горизонте Везувий» многие помнят до сих пор. Это был 1974 год. А потом меня пригласили в Москонцерт.

— И вы переехали?

— Не сразу. Муж был очень против, да и я здесь совершенно никого не знала, никакой пробивной силы не имела. Снимала восьмиметровую комнатку в Марьиной роще, у Марьи Исааковны, которая потом стала моим персонажем. Она говорила: «У меня очень удачная квартира. От меня все девочки выходят замуж».

— И вы еще раз вышли замуж «от нее»?

— Так получилось. Про Юру Зерчанинова она тоже сказала: «Он — хогоший мужик». Он был в «Юности» заведомом, потом стал замглавного. Это интересная история.

— Расскажите.

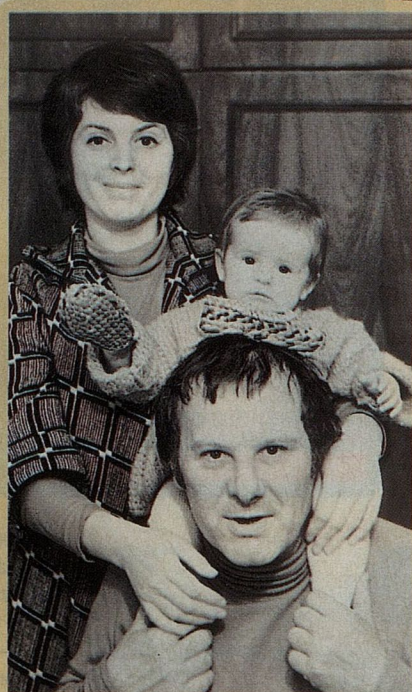
— Познакомились мы благодаря статье обо мне в их журнале. Он позвонил по одному вопросу, и мне сразу понравился его голос — у меня на голоса особая интуиция. Потом он пришел посмотреть на меня на концерт в МИИТе, куда я опоздала и так и не выступила. Потом уже я позвонила ему просто как одному из немногих знакомых людей в Москве: мне в ЦДРИ дали два билета на «8 1/2», а это Д/к Горбунова — и далеко, и поздно, и страшно. Потом, значит, он пригласил меня на «Тилиа» в Ленком и наконец спросил: «А не хотите ли вы со мной поехать водки выпить?». Мы очень долго были на «Вы» — кажется, я уже Машу ждала, а все мы с ним были на «Вы».

— Он вас удивлял?

— Да. Все было открытием, шоком. Обоим в его квартире были ободраны, свисали со стен, зато там имелись привезенные из Англии пластинки «Битлз» и «Джезус Крайс», а ванная была полна бутылок. Нет-нет, он не алкаш — это были бутылки дорогих каких-то напитков, виски, бренди, у меня по тем временам глаза лезли на лоб от этикеток. И сигареты «Пэлл-Мэлл» — такое тогдашнее выражение респектабельности... Потом он сказал: «Если хотите поесть, можете что-нибудь приготовить». Я полезла в холодильник, и на меня с верхней полки выпал бюст Ленина.

— Что он там делал?

— Но ведь на Красной площади Ленин тоже лежит в холодильнике. Шутка такая. Еще огурец там был — тоже шутка, муляж.

С Юрой и Машей (конец 70-х)

Кажется, дождь начинается

Грезы актрисы в костюме от Светланы Старцевой

— А еда?

— Кроме подсолнечного масла — ничего... Но Юра — вообще человек эпатажный. Потом мы стали ходить по его друзьям — Арканов, Славкин, Женя Рейн, Алена Бокшицкая, Петя Фоменко — и он всех спрашивал: «Как вы думаете, чем занимается этот человек?». Все с ходу отвечали: «Она учительница русского языка и литературы». А я носила очки и была в этих компаниях очень зажатая. Для меня это были немыслимые знаменитости. Но потом они стали его пугать: «Если ты на ней не женишься, то мы сами на ней женимся». И я вошла в его дом.

— Почему же тогда вы не стали нормальной «семейной» женой? Муж бы зарабатывал, вы бы занимались хозяйством, растили ребенка?

— Нет, я должна была сопротивляться. В его доме меня сразу приняли хорошо, но это была «семья». Юрин отец, например, в свое время закончил юнкерское училище. Кстати, он все время говорил: «У нашего Юры — такой круг знакомых», «У нашего Юры — Гагарин, Титов, Севастьянов». Вот и надо было доказывать, что меня тоже нашли не на огороде, что я — не случайная девочка, которую подобрали и привели. Это трудно, я сомневалась. Как быть с авторами, как делать репертуар? Для женщин никто ничего не пишет. Конечно, легко было бы замкнуться. Но тут уже Юра доказывал, что я — хорошая актриса. И, будучи беременной, я придумывала монолог беременной женщины. Правда, худсовет все равно его запретил. А когда появилась Маша и ей исполнилось восемь месяцев, я отдала ее в ясли и вышла на сцену. Понимала: чем дальше, тем выходить будет страшнее. А замкаться очень не хотелось.

— Ваша дочка на вас не обижена?

— Обижена. Конечно, я дала ей меньше, чем могла бы. Хотя до того как она пошла в первый класс, я никуда почти не ездила, а если ездила, брала ее с

Мои друзья — мое богатство (с дрессировщиком Азизом)

собой. Она еще повторяла: «Не хочу, не хочу быть сатирической». А я придумывала ей игры, рассказывала сказки, и когда она пошла в школу, то поступила в ГИТИС. По принципу «Будем учиться вместе». И вы не видели меня с костюмом через плечо, с авоськами с хлебом-колбасой, мчащейся на концерт. Я прошла все, что и обычные женщины. Точно так же стояла в очередях, точно так же не могла что-то купить — не хватало денег. Мы всю жизнь занимали...

— А как вы живете теперь?

— Живу, как многие, кто вкалывает, ездит на гастроль, не бывает дома. Конечно, теперь я свободнее — нет никаких худсоветов. И, конечно, теперь я могу себе что-то позволить: обожаю, например, свой «Мицубиси». Хотя не стала ни хищной, ни деловой. Деловых костюмов не ношу, в ночные клубы не хожу. Весь мой опыт сложился в те, прошлые годы. А вообще все, что хочется успеть, связано с работой, со сценой. Сцена — единственное место на земле, где я становлюсь собой, ничего не играю. Это я с вами играю или когда иду в магазин и нужно изображать продавца — покупателя. На сцене я хочу — делаю что-то, не хочу — не делаю. Могу устроить экстремальную ситуацию: вытащить мужика из зала, не зная, как он себя поведет...

«Ералаш»

Дамская сумка — бездонна

«Свет мой, зеркальце, скажи...»

— Кем стала Маша?

— Училась в университете, на историко-филологическом, на отделении театра. Вышла замуж за человека такого же «филологического» склада, как она. Скоро у них появится маленький.

— Да ну?! Я вас поздравляю...

— Плохо представляю себя бабушкой, но, надеюсь, буду заботливой, доброй и хорошей. Машу, конечно, я мало ласкала, мало тискала, а девочке это обязательно нужно, ее надо любить. Вообще надо любить женщину, чтобы она была нормальной, незакомплексованной.

— Вы не закомплексованы?

— Я могу надеть короткое платье, шорты, что угодно. Хочу так одеваться и буду. Кроме того, я никогда не делала подтяжек, не мучила себя диетами — лишь изредка, как сегодня, «сиду на кефире». И я до сих пор не

думаю на тему — «сколько же мне уже лет». Впрочем, неправду сказала — как это «не думаю»? Есть большое увеличивающее зеркало, и лучше бы оно не увеличивало.

— Однако вы действительно прекрасно выглядите.

— Пользуюсь исключительно нашими кремами. Не то что патриотка сумасшедшая, но почему я должна верить каким-то там рекламкам? Почему «Леванте» — лучшие колготки? Я хочу другие. Не люблю, когда мне навязывают что-то, сама должна ко всему прийти, понять, обжечься. Не надо навязывать — я и в дочке всегда это уважала. Разве мой опыт может ей пригодиться?

— К чему вы еще пришли?

— Уже восемь лет не ем никакого мяса. Готовлю его домашним, умею это делать, но сама — не ем. Отправной точкой стали гастроль в Израиле. Тогда я впервые попробовала жить на фруктах и овощах и поняла: «Если мне это так легко, зачем нужно еще и то, что называется трупом?». Больше ничего себе не объясняла — не ем и не ем. И теперь все, кто приходит, совершенно обалдевают от моего борща, от яблок, которые я пекую с изюмом и творогом.

— Вы готовите на всю семью?

— Сейчас нет — живу от них отдельно. Машин Боря пришел жить к нам, у нас есть собака Патрик, они заодно купили собаку Степу, к ним приходят еще друзья и подруги, и вместо дома получается тусовка. Одна комната — Машина, другая —

кабинет моего мужа, а если еще и в так называемой «большой» слушают музыку, мне остается только кухня. Или ванная, где я много лет стояла под душем и придумывала себе жизнь. Так вот сейчас я наконец поняла, что значит спать на хорошей кровати. Купила себе маленькую квартиру, сделала там ремонт и поселилась. Это трудно объяснить, но мне есть теперь где репетировать, есть куда после концерта вернуться поздно вечером, есть где отдохнуть.

— Вы там совершенно одна?

— Ну да. Живу на три дома. Здесь готовлю, туда привожу. Вчера купила им курицу, ночью пекла пироги — вот отвезу сегодня. Третий дом — папа и мама в Киеве. Я о них много пишу в своей недавней книге. Навещу их в декабре, как раз когда буду отмечать там свой день рождения. Отмечать концертами, конечно.

— Вы когда-нибудь отдыхаете?

— Вот уже много лет я отдыхаю в Прибалтике — в Юрмале, в Ниде. Там этим летом был прекрасный бассейн. Люблю плавать. Я в детстве занималась прыжками в воду — мой любимый вид спорта. Сейчас уже, правда, не прыгаю.

— Все же вы сильно отличаетесь от большинства из нас.

— Скажите, чем?

**Екатерина Тарханова
Фото Влада Буркина**